

Ю. Н. ГОВОРУХА-ОТРОК

Поход на славянофилов

По поводу статьи г. Чуйко «Старое и новое славянофильство», «Наблюдатель», январь

Поход на славянофильство начался давно, с самого возникновения этого учения, но то, что писалось тогда, писалось в раздражении полемики и не имеет уже никакого интереса, кроме интереса историко-литературного. Тогда славянофилов просто бранили, употребляя обычный и до сих пор в этих случаях полемический прием возведения *ad hominem**. Их обвиняли в «ретроградства», в «обскурантизме» и во всем прочем, в чем принято обвинять противников и теперь, когда нечего ответить на его аргументы. Но в то время славянофильство было заподозрено и правительством: оно попало между двух огней. Такова, впрочем, судьба всякой новой и действительно глубокой идеи: сущность ее немногие сразу понимают. Так продолжалось довольно долго, до половины семидесятых годов: славянофильство всё оставалось между двух огней.

В недавнее время дело изменилось: в правительственных сферах к славянофильству стали относиться иначе. Деятельности И. С. Аксакова уже не ставилось препятствий. Но тем более имя его и его идеи подвергались глумлению наших публицистов и критиков «с направлением».

Со смертью Аксакова, заключившего собою период так называемого «старого славянофильства», пришлось бросить этот прием. Общественное сознание иначе отнеслось к «старому славянофильству», отодвигающемуся уже в историческую перспективу, и даже наивных читателей нельзя было более морочить

* Обращенное к чувству, предназначенное произвести впечатление, лишенное объективности (*лат.*) — *Ред.*

этими воззваниями *ad hominem*, этими обвинениями славянофильства в «ретроградстве», в «обскурантизме» и т. д. Нужно было употребить другой прием, нужно было постараться доказать, что славянофильство — явление отжившее, выродившееся, не оставившее по себе следа, а если и оставившее, то след плохой. Эту задачу взял на себя в самое последнее время Вл. С. Соловьев в известных своих недавних статьях. Раньше писали о славянофильстве покойные Безобразов и Кавелин. Упоминаю лишь о более крупных критиках славянофильства, мнения которых потом, в искаженном виде, повторялись разною либеральной или, лучше сказать, либеральничайщею мелкотой.

Я не имею намерения в этих небольших заметках разбирать подробно все эти мнения; я хочу лишь коснуться самой сущности дела, и вот почему останавливаюсь на упомянутой выше статье г. Чуйко. Г. Чуйко для моей цели очень удобный человек; он имеет свою специальность; он компилятор; своего у него ничего нет и не было, хотя он с этим не согласен и выражает в своей статье желание сказать свой «беспристрастный взгляд». Никакого, однако, «взгляда» он не высказывает, а просто, как и всегда, компилирует. Но этот тем удобнее. В статье г. Чуйко собрано главнейшее из всего, что говорилось о славянофильстве его противниками, по крайней мере, более серьезными.

К статье своей г. Чуйко поставил эпиграфом следующие слова профессора Бестужева-Рюмина, взятые, если не ошибаюсь, из сочинения этого ученого о славянофильстве же: «Всякое великое историческое дело, облекая плотью и кровью то, что неясно носилось в умах, создает нечто новое, как потому что действительно приносит новый элемент, так и потому, что старое получает новый вид, становится чем-то иным. Это новое вносит, по евангельскому слову, меч: оно разделяет всё общество».

Это слова, конечно, очень применимы к славянофильству. Оно внесло нечто новое или, вернее сказать, чему-то старому дало новый вид. Но г. Чуйко с этим не согласен. Вся его компиляция направлена к тому, чтобы доказать, что славянофильство не внесло ничего нового, не придало старому никакого нового вида, было явлением призрачным и само, восставая против Запада, явилось всего только заимствованием у того же Запада. Всё это пытались уже доказать много раз — г. Чуйко компилирует все эти доказательства, высказанные в свое время Безобразовым, Кавелиным, наконец, Вл. С. Соловьевым.

Не будем излагать подробно те взгляды на славянофильство, которые скомпилированы г. Чуйко. Всё это еще очень свежо, и все это хорошо помнят. Напомним лишь вкратце, в чем дело.

Говорилось, что славянофильство обязано своим происхождением немецкой философии и — Руссо, прибавляет г. Чуйко, причем приводит длинную цитату из «Общественного договора». Из этого делается вывод, что славянофильство не представляет собою явления самостоятельного, а есть явление подражательное. Затем, ссылаясь на статью «Русского вестника» о де-Местре (что сделал раньше Вл. С. Соловьев, притом сославшись на самого де-Местра¹), г. Чуйко указывает, что славянофилы заимствовали свои политические идеи у этого писателя.

Распространившись обо всем этом, приведя по этому поводу длиннейшие выписки, г. Чуйко рекомендует свою компиляцию следующими словами «одного публициста», как он выражается: «И вот эта-то крупца от духовной трапезы оказалась достаточною, чтобы питать наше национально-политическое сознание в течение полувека; этот-то обрывок одной из бесчисленных ветвей с западного дерева познания добра и зла гордо противопоставляется целому дереву, с которого был взят, выдавался в самобытное произрастание, за наше собственное дерево жизни, которое должно разрастись и осенить всю землю».

Таков приговор над славянофильством; таков вывод, сделанный из всей совокупности критики этого учения. Оно, видите ли, «явление заимствованное и миражное». Вышеприведенные слова Бестужева к нему не применимы. Оно не создало ничего нового, оно не показало и старого в новом виде.

Все сведено и подведено прекрасно, по-видимому, нечего и возражать. Упущено из виду только одно. Ведь одни и те же влияния могут разно отражаться, смотря по тому, на что, или на кого они влияют; ведь один и тот же *тяжкий млат* — *дробя стекло, кует булат*². И *тяжкий млат* европейских влияний, раздробив стекло, каким явились наши оторвавшиеся от народа высшие классы общества, ковал и кует булат, каким явились те люди из этих высших классов, которые сумели сохранить эту духовную связь с народом, или нашли в себе настолько силы, чтобы возвратиться к ней. Такими людьми были славянофилы. Не в европейских влияниях причина возникновения их учения — это был только повод.

Лом, которым пробивают скалу, разве есть причина того источника, который побежал из этой скалы, освежая поля и нивы? Правда, без этого лома, быть может, источник долго или никогда бы не обнаружился, но все-таки не в ломе причина источника.

Я не стою за буквальный смысл моего уподобления. Как всякое уподобление, оно и превышает смысл события, и в то же

время не полно его высказывает. Встанем снова «на реальную почву», как теперь любят выражаться.

Пишущий эти строки — не славянофил, хотя чрезвычайно высоко ставит это учение, его сущность. Он не славянофил именно потому, что не может принять тех следов европейских влияний, которые остались в славянофильстве; ржавчина лома, пробившего скалу, все же замутила воду, и необходимо время, чтобы бегущий уже поток очистился совершенно. Иные политические взгляды славянофильства, его националистический взгляд на Восточный вопрос, еще что-то составляют именно тот след, который оставили в этом учении европейские влияния. Но сущность дела вовсе не в этом.

Я считаю и Кавелина, и Безобразова, и В. С. Соловьева писателями совершенно добросовестными. Критикуя славянофильство, они *не скрыли* сущности дела ради полемических целей — они *просмотрели* ее. Они *не заметили* слона, что случается часто и с людьми умными, мысль которых, однако, сужена какою-нибудь тенденцией. Они не заметили, что это славянофилы указали нашему образованному обществу на то сокровище, которое у нас есть и которого среди этого образованного общества никто не замечал — на православие; они это старое показали в новом виде и с новым значением — и в этом их заслуга, в этом их огромное значение, и вот почему слова Бестужева применимы к ним вполне. И действительно, это новое внесло меч: оно разделило общество на поборников западной, католической культуры, перенесенной на нашу почву, и на поборников нашей исторической, *православной* культуры. Они указали на *православие* в особом, новом его значении — *как на культурное начало*. Таким образом, они противопоставили «западному древу познания добра и зла» не «обрылок одной из бесчисленных ветвей этого дерева», а действительно свое могучее дерево, «которое должно разрастись»...

Вот почему, чтобы показать несостоятельность самой сущности славянофильства, надо доказать, во-первых, что православие не есть учение вселенское, каким оно было при Христе и Апостолах; во-вторых, что основу исторической жизни русского народа составляет не православие, а что-нибудь иное, в-третьих, что культурное развитие народов и имеется, вообще, в основе своей начала религиозного — и наконец, что в учении Церкви Православной не примиряются все противоречия, раздирающие европейский мир: противоречия Церкви и государства, науки, философии и религии, социализма и свободы, что в православии нет той великой объединяющей мысли, того ве-

ликого объединяющего чувства, в которых может разрешиться трагическая коллизия, созданная всем ходом европейской истории и отчасти перенесенная на нашу почву.

Вот что надо оказать, чтоб отвергнуть самую сущность славянофильства и искать иных путей.

Но этого никто до сих пор не доказал и не пытался доказать, так как те противники славянофильства, с которыми стоит считаться, это самое главное и важное просмотрели и устремили всё свое внимание на второстепенные подробности. Всё, что в славянофильстве является следом западноевропейских влияний, отпадает и отпадет, но *сущность* его останется, будет жить и развиваться...

О г. Чуйко совершенно нечего сказать. Он компилирует, а если не удерживается и, выходя из своей роли, начинает говорить от себя, то нечто вроде следующего:

«Гордый Запад, — пишет г. Чуйко — находящийся в другом положении, счастливый высокою своею культурой, знающий цену своему творчеству, *поэтому не испытывающий и не знающий зависти*, разумеется, не похож в этом отношении на русского человека, и это он доказал, например, по отношению к русской литературе: как только сокровища этой литературы открылись пред ним — он не отказался принять их, он громко заявил о значительности русской изящной литературы, он распространяет, пропагандирует ее, и на этом основании, может быть, несколько легкомысленно, составил себе преувеличенное понятие и о самих свойствах русского ума»³.

Г. Чуйко в начале своей статьи обещал внести «и свою каплю меду» в вопрос о славянофильстве — и сдержал слово, высказал-таки свое «оригинальное» мнение: славянофильство возникло из свойственной русским людям *зависти*. Ну и прекрасно! А все-то ломали и ломают головы, между тем как пришел настоящий уже механик, г. Чуйко, — и открыл ларчик просто...

Остальное в только что приведенной тираде из статьи г. Чуйко слишком... очевидно и не требует комментариев...

